

нились въ болѣзненномъ и неудовлетворенномъ самолюбіи, какъ и въ неудавшемся существованіи, находимъ извѣстныя черты, вліяніе которыхъ можно простѣдить до изшедшаго времени. Одною изъ самыхъ выдающихся особенностей его является сильная субъективность, неумѣряемая разумомъ и потому ведущая къ парадоксу; а одинъ изъ основныхъ принциповъ его заключается въ томъ, что онъ въ чувствительности видитъ болѣе надежнаго вождя, чѣмъ въ разумѣ. Возставая противъ современнаго матеріализма и невѣрія, онъ видитъ нравственную силу въ энтузіазмѣ и въ религіозномъ наитіи. Не слѣдуетъ ли видѣть въ чувствительности Руссо, какъ и въ субъективной критикѣ Дидро—задатки современнаго импрессионизма? Не составляетъ ли энтузіазмъ, въ связи съ космополитизмомъ и многосторонностью взглядовъ, отличительную черту поклонницы его, г-жи Сталь, впервые давшей опытъ сравнительной литературы и указавшей на взаимодѣйствіе литературныхъ и общественныхъ явленій?

У Руссо внезапный импульсъ, не всегда ясный, но сильный и горячій, замѣняетъ методъ и отчетливость классической Франціи. Но страстный порывъ умѣряется разсудкомъ, и, по выраженію автора, „иная книга, начавшаяся парадоксомъ, оканчивается общимъ мѣстомъ“. „Если парадоксъ составляетъ фасадъ его сочиненій, то здравый смыслъ служить имъ святилищемъ“. Всѣ названные особенности Руссо представляютъ рѣзкую противоположность къ тѣмъ „общимъ мыслямъ“, въ которыхъ Низаръ видитъ особенность и силу французовъ, и на разборъ которыхъ онъ построилъ свою „Исторію французской литературы“.

Девятнадцатый вѣкъ далъ полный разсвѣтъ такого склада умамъ, которые въ XVIII-мъ, опередивъ романтизмъ, являются предвѣстниками новой эпохи всеобъемлющаго пониманія и оригинальнаго творчества. Романтическая школа, которую глава ея, В. Гюго, назвалъ литературной революціей, становится представительницей тѣхъ литературныхъ воззрѣній, которыя до нея являются какъ бы только индивидуальными особенностями. Уже у В. Гюго видимъ многообразіе вводимыхъ предметовъ и полнѣйшую свободу, предоставленную творческимъ силамъ, хотя характеры въ его драмахъ построены на яркомъ и несложномъ антитезѣ. Но у Теофиля Готье встрѣчаемъ, въ крупнѣйшемъ изъ его произведеній, не только произволъ фантазіи, но и субъективную безпредѣльность и то стремленіе къ микрокосму, т.-е. къ совокупности духовныхъ силъ, которые характеризуютъ нѣмецкую романтику. Прибавимъ къ этому изощренія анализа, богатую, но произвольную ассоціацію идей, въ силу которой связываются ви-